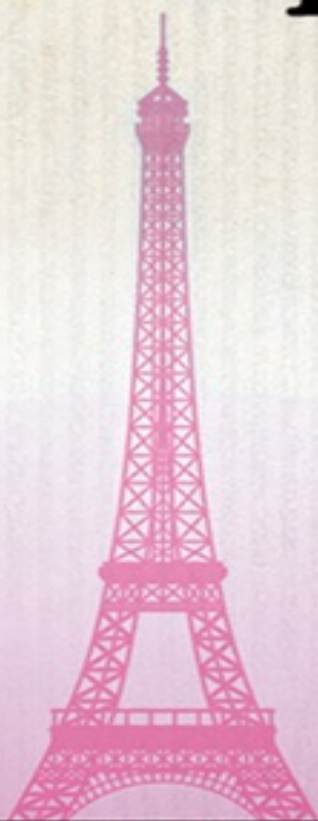

Медовый месяц
в Париже

ДЖОДЖО МОЙЕС

Из книги
«Две встречи в Париже»

Annotation

«Медовый месяц в Париже» – это предыстория событий, которые разворачиваются в романе Мойес «Девушка, которую ты покинул». Лив и Софи разделяют почти сто лет, но они обе стоят на пороге семейной жизни, обе надеются на счастливый медовый месяц с любимым мужчиной...

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

Медовый месяц в Париже

* * *

Париж, 2002 год

Лив Халстон, судорожно вцепившись в ограждение Эйфелевой башни, смотрит сквозь проволоку, украшенную бриллиантами крошечных лампочек, на раскинувшийся перед ней Париж и мысленно спрашивает себя: бывает ли более неудачный медовый месяц, чем этот?

Вокруг нее приехавшие целыми семьями туристы испуганно взвизгивают, отпрянув от ограждения, или же, наоборот, театрально облакачиваются на сетку для эффектного снимка, и все это под бесстрастными взглядами стражей порядка. С запада на них надвигаются огромные пылающие комья грозовых облаков. От пронизывающего ветра у Лив розовеют уши. Кто-то запускает бумажный самолетик, и она смотрит, как тот, подхваченный порывом ветра, планирует вниз, превращаясь в едва заметную точку, и наконец исчезает из виду. Где-то там внизу, на элегантных бульварах, а может, в старинных парках или на живописных набережных Сены, ее молодой муж. Муж, который на третий день их медового месяца сообщил ей, что ему очень жаль, но сегодня утром у него кое с кем деловая встреча. Насчет известного ей дома на городской окраине. Буквально на час. Он постарается не задерживаться. Она ведь не обидится, да? Муж, которому она заявила, что если он сейчас оставит ее одну в номере отеля, то может вообще выметаться и больше не возвращаться.

Дэвид решил, что она шутит. А она – что шутит он.

– Лив, это очень важно, – снисходительно усмехнулся он.

– Так же как и наш медовый месяц, – парировала она.

Они уставились друг на друга так, словно каждый из них видел перед собой незнакомца.

– Боже мой! Думаю, мне пора спускаться вниз. – Какая-то американка со здоровенным кошельком на поясе, обернутым вокруг талии, и волосами цвета золоченого имбирного пряника испуганно округляет глаза. – Я боюсь высоты. Вы слышите, как она трещит?

– Да вроде бы нет, – отвечает Лив.

– Вот и мой муж точно такой же. Всегда спокойный как слон. Может хоть весь день тут стоять. А меня в этом чертовом лифте чуть инфаркт не хватил. – Она бросает взгляд в сторону бородатого мужчины, старательно что-то снимающего дорогой камерой, ежится и, держась за перила, идет по дорожке в сторону лифта.

Ее выкрасили в коричневый цвет, Эйфелеву башню. Шоколадного оттенка. На редкость безобразный цвет для такого изящного сооружения. Лив поворачивается, чтобы поделиться с Дэвидом, но сразу вспоминает, что Дэвида с ней нет. А ведь она мечтала подняться с Дэвидом на Эйфелеву башню с той самой минуты, как он предложил ей провести неделю в Париже. Они будут стоять в обнимку, возможно, поздно вечером и любоваться с высоты птичьего полета «городом огней». И у нее от счастья закружится голова. А он посмотрит на нее долгим взглядом, совсем как тогда, когда делал ей предложение. И она будет чувствовать себя самой счастливой женщиной на земле.

Но неделя превратилась в пять дней из-за жизненно важной встречи в пятницу в Лондоне, а пять дней – в два из-за неожиданной, но опять же жизненно важной встречи. И вот теперь Лив стоит, дрожа как осиновый лист в летнем платье, которое купила исключительно потому, что оно подходило под цвет ее глаз и он, как она надеялась, должен был это заметить, а между тем небо потихоньку затягивается серой пеленой, моросит мелкий противный дождик. И у нее сразу возникает вопрос: хватит ли ее школьных познаний

французского, чтобы поймать такси и вернуться в отель? Или, может, лучше пройтись пешком под дождем? Самое то при таком поганом настроении.

Она встает в хвост очереди к лифту.

– А что, вы своего тоже там оставили?

– Моего – кого?

Рядом с ней та самая американка. Она с улыбкой кивает на сияющее обручальное кольцо Лив:

– Вашего мужа.

– Он... не со мной. У него... сегодня дела.

– Ой, так вы приехали сюда по делам? Надо же, как вам повезло! Ему досталась вся работа, а вам – осмотр достопримечательностей. – Женщина громко смеется. – Я смотрю, вы хорошо устроились, дорогуша.

Лив бросает прощальный взгляд на Елисейские Поля и чувствует неприятный холодок внизу живота.

– Да. Ну разве я не везучая?

Слишком скоропалительный брак... предупреждали ее друзья. В шутку, конечно, но, учитывая, что Дэвид сделал ей предложение через три месяца и одиннадцать дней знакомства, в этой шутке имелась некоторая доля истины.

Она не хотела пышной свадьбы, ведь отсутствие матери в любом случае омрачило бы мероприятие. Поэтому они с Дэвидом остановились на церкви в Италии, в Риме, где она купила на Виа Кондотти готовое белое платье неизвестного, но ужасно дорогого дизайнера, а затем приняла участие в церемонии на незнакомом языке, поняв в результате, что стала законной женой, лишь тогда, когда Дэвид надел ей на палец кольцо. Уже после Карло, приятель Дэвида, который помог все организовать и стал одним из свидетелей, разыграл ее, заявив, будто она согласилась почитать и слушаться Дэвида, а также беспрекословно принимать других жен, будь на то воля мужа обзавестись еще парочкой. Она потом хохотала целые сутки, не меньше. Она не сомневалась, что поступает правильно. Не сомневалась с той самой минуты, как встретила его. Не сомневалась даже тогда, когда отец сразу погрузился, услышав новости, хотя и поспешил замаскировать обиду бурными поздравлениями. Именно тогда она с раскаянием поняла, что, в отличие от нее, отец, как единственный здравствующий родитель, возможно, хотел для нее пышной свадьбы. Она не сомневалась, когда перевезла свои скромные пожитки в жилище Дэвида – стеклянное сооружение на крыше бывшего склада на берегу Темзы, – один из первых домов, построенных по его проекту. В течение шести недель между свадьбой и медовым месяцем она каждое утро просыпалась в Стеклянном доме и видела бескрайнее небо над головой, а потом смотрела на спящего мужа, в очередной раз убеждаясь, что им хорошо вместе. А как могло быть иначе при такой страстной любви?

– А тебе не кажется... ну я не знаю... что ты еще слишком молодая? – Жасмин у кухонной раковины удаляла воском волосы на ногах. Лив сидела за столом и наблюдала за процедурой, попыхивая запретной сигареткой. Дэвид не любил, когда курят. Она заверила его, что бросила еще в прошлом году. – Нет, Лив, я серьезно. Но ты реально ведешь себя чересчур импульсивно. Например, можешь на спор побрить голову. Или бросить работу, чтобы отправиться в кругосветное путешествие.

– Можно подумать, я единственная, кто на такое способен!

– Ты единственная из моих знакомых, кто сделал это в один день. Ну не знаю, не знаю.

Просто все как-то слишком быстро.

– Согласна. Но я уверена, что поступаю правильно. Ведь мы так счастливы вместе.

И мне даже трудно представить, что я могу на него хоть за что-то дуться или сердиться. Он такой... – Лив пустила в потолок колечко дыма, – идеальный.

– Ну, он определенно очень милый. Мне просто не верится, что именно ты собираешься замуж. Ведь ты вечно клялась, что этому не бывать.

– Знаю.

– Ой! Блин, как больно! – Жасмин оторвала восковую полоску и скривилась при виде налипших волос. – Хотя он, конечно, жутко сексапильный. И у него, похоже, потрясающий дом. Уж наверняка лучше этой дыры.

– Когда я просыпаюсь рядом с ним, мне кажется, будто я вдруг оказалась на страницах глянцевого журнала. Все так круто. И мне не пришлось перетаскивать туда свои вещи. Господи помилуй, у него даже льняные простыни! Реально льняные! – Она снова пустила вверх колечко дыма. – Из натурального льна!

– Ну да. А кому в результате придется гладить эти его льняные простыни?

– Не мне. У него есть домработница. Он говорит, что мне не придется заниматься такими вещами. По-моему, он догадался, что домохозяйка из меня никакая. На самом деле он хочет, чтобы я подумала насчет аспирантуры.

– Аспирантуры?

– Он говорит, жаль понапрасну растрчивать такие способности.

– Что еще раз свидетельствует о том, как мало он тебя знает. – Жасмин вывернула лодыжку, чтобы посмотреть, не осталось ли чего лишнего. – Итак? Ты действительно собираешься в аспирантуру?

– Не знаю. У меня сейчас куча дел с этим переездом, со свадьбой, да и вообще. Мне пока кажется, что сперва надо привыкнуть к замужеству.

– Жена, – лукаво ухмыльнулась Жасмин. – Умереть не встать! Жenuшка.

– Кончай. У меня от всего этого и так крыша едет.

– Жenuшка.

– Прекрати!

Но Жасмин никак не унималась, и Лив пришлось шлепнуть ее посудным полотенцем.

Когда она возвращается в отель, Дэвид уже там. Лив рискнула пойти пешком, но небеса буквально разверзлись, и она насквозь промокла, даже платье прилипло к ногам. Она проходит мимо стойки портье, и ей кажется, будто он окидывает ее многозначительным взглядом, который специально приберегает для женщин, чьи мужья назначают деловые встречи во время медового месяца. Она открывает дверь номера и видит, что Дэвид разговаривает по телефону. Он поворачивается, испытующе смотрит на нее и прерывает разговор.

– Где ты была? Я уже начал беспокоиться.

Она стаскивает мокрый жакет и тянется за плечиками, чтобы повесить его в шкаф.

– Поднималась на Эйфелеву башню. А обратно шла пешком.

– Ты промокла до нитки. Сейчас приготовлю тебе ванну.

– Не нужна мне никакая ванна.

Ей очень нужна горячая ванна. Лив мечтала о ней всю дорогу, пока тащила под этим

треклятым дождем.

– Тогда я попрошу принести чая.

Он звонит в службу обслуживания номеров, а она тем временем поворачивается, входит в ванную комнату и закрывает за собой дверь, чувствуя спиной взгляд Дэвида. Она и сама не понимает, что вдруг на нее нашло. Ведь уже на обратном пути она твердо решила вести себя с мужем как ни в чем не бывало, чтобы не портить еще больше сегодняшний день. Ну подумаешь, всего-навсего одна деловая встреча! Ведь она еще на первом свидании все про него поняла, когда он провез ее по Лондону, рассказывая о предыстории и дизайне современных зданий из стекла и стали.

Но когда она переступила порог номера отеля, ее словно заклинило. Она увидела, что он говорит по телефону, явно решая какие-то рабочие вопросы, и все ее благие намерения разом испарились. Вот так-то ты обо мне беспокоишься! – думает она. Преспокойно обсуждаешь себе толщину стекла входной двери нового здания или дополнительную обвязку на крыше для компенсации веса второй вентиляционной шахты.

Она наполняет ванну, наливает дорогую мыльную пену и со вздохом облегчения ложится в горячую воду. Через несколько минут раздается стук в дверь и входит Дэвид.

– Чай, – говорит он, ставя чашку на край мраморной ванны.

– Спасибо.

Лив молча ждет, когда он уйдет, но он садится на опущенную крышку унитаза, наклоняется вперед и смотрит на жену:

– Я заказал нам столик в «Куполь».

– На сегодня?

– Да, я тебе уже говорил. Это ресторан, где стены расписывали художники, которые...

– Дэвид, я ужасно устала. Весь день на ногах. Не уверена, что сегодня мне захочется куда-нибудь идти. – Она старательно отводит глаза.

– Но вряд ли мне удастся забронировать столик на завтра.

– Извини. Но я просто хочу поесть в номере и лечь спать.

Зачем ты это делаешь?! – мысленно одергивает она себя. Зачем портишь свой медовый месяц?!

– Послушай, мне очень жаль, что сегодня так получилось. Хорошо? Но я уже несколько месяцев добиваюсь встречи с Голдштейнами. И оказалось, что они сейчас в Париже. Более того, они наконец согласились посмотреть мой проект. Того здания, о котором я тебе уже рассказывал. Очень большого. И мне кажется, им понравилось.

Лив сидит, уставившись на пальцы ног, розовые и блестящие от горячей воды.

– Ну, я рада, что все прошло удачно.

В ванной становится неестественно тихо.

– Ненавижу. Ненавижу, когда ты такая несчастная.

Она смотрит прямо на него. Видит его голубые глаза, его вечно растрепанные волосы, его лицо, которое он по привычке закрывает ладонями. Секундное сомнение, и вот она уже протягивает ему руку, которую он нежно сжимает.

– Не обращай на меня внимания. Я глупая. Ты прав. И я отлично понимаю, как важен для тебя этот заказ.

– Лив, так оно и есть. А иначе я ни за что бы тебя не оставил. Я уже много месяцев – нет, лет – тружусь над проектом. Если мне удастся его пропихнуть, то дело в шляпе. Я становлюсь партнером. И приобретаю известность.

– Понимаю. Послушай, не отказывайся от столика. Мы пойдем. После ванны мне наверняка станет легче. И мы сможем составить план на завтрашний день.

Он накрывает ее руку своей ладонью. Но ее мокрые от мыльной воды пальцы так и норовят выскользнуть.

– Ну... Тут вот такая штука получается. Они хотят, чтобы завтра я встретился с руководителем проекта.

Лив замирает.

– Что?

– Они специально вызвали его сюда. Прилетает самолетом. Они хотят встретиться со мной в их апартаментах в «Рояль Монсо». А что, если тебе сходить в спа-салон, пока я буду с ними? Спа-салон там наверняка потрясающий.

Она смотрит на него в упор:

– Ты серьезно?

– Совершенно. Я слышал, по оценкам французского «Вог», это лучший...

– Я говорю не о твоём чертовом спа-салоне.

– Лив, это значит, что они реально заинтересованы. И мне надо постараться использовать их интерес по максимуму.

Когда к ней наконец возвращается дар речи, ее голос звучит как-то странно глухо:

– Пять дней. Дэвид, наш медовый месяц всего пять дней. Даже не неделя. И ты говоришь, что они не могут подождать и провести встречу хотя бы через семьдесят два часа?

– Лив, это Голдштейны. Миллиардеры только так и не иначе ведут дела. Приходится подстраиваться под их расписание.

Она смотрит на свой педикюр, который обошелся ей в целое состояние, и вспоминает, как они с маникюршей смеялись, когда она, Лив, сказала, что теперь ее пальчики выглядят вполне съедобными.

– Дэвид, уйди, ради бога.

– Лив, я...

– Просто оставь меня одну.

Он поднимается с сиденья унитаза, но она на него не смотрит. Когда Дэвид закрывает за собой дверь ванной, Лив зажмуривается и медленно погружается с головой под горячую воду, чтобы ни о чем не думать и ничего не слышать.

Париж, 1912 год

Никакого бара «Триполи».

– Нет-нет, в бар «Триполи».

Эдуард Лефевр, при всей своей корпулентности, как ни странно, нередко напоминал малыша, которому сообщили о неминуемом наказании. Он обиженно посмотрел на меня сверху вниз и, надув щеки, сказал:

– Да будет тебе, Софи! Только не сегодня. Давай сходим куда-нибудь поесть. И забудем хотя бы на вечер о финансовых проблемах. Мы ведь только что поженились! Как никак, но это ведь наш *lune de miel*!^[1] – Он пренебрежительно махнул рукой в сторону вывески с названием бара.

Сунув руку в карман, я нащупала свернутую пачку долговых расписок.

– Мой возлюбленный муж, мы не можем даже на вечер забыть о финансовых проблемах. У нас нет денег на еду. Ни сантимата.

– А деньги из галереи «Дюшан»...

– Пошли на квартирную плату. Если помнишь, ты не платил еще с лета.

– А записка в копилке?

– Истрачена два дня назад, когда тебе взбренило угостить всех завтраком в «Моей Бургундии».

– Но это же был свадебный завтрак! И у меня возникло непреодолимое желание хоть как-то отдать должное Парижу. – Он на секунду задумался. – А деньги в кармане моих синих панталон?

– Истрачены вчера вечером.

Он похлопал руками по карманам, но не обнаружил ничего, кроме мешочка с табаком. Вид у него был настолько обескураженный, что я с трудом сдержала смех.

– Мужайся, Эдуард. Все наладится. Если хочешь, я могу сходить и очень мило попросить твоих друзей расплатиться по долгам. Тебе вообще не придется ничего делать. Они не смогут отказать женщине.

– И тогда мы уедем?

– И тогда мы уедем. – Я встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. – А сейчас мы пойдем и купим какой-нибудь еды.

– Сомневаюсь, что мне кусок в горло полезет, – проворчал он. – Разговоры о деньгах вызывают у меня несварение желудка.

– Эдуард, ты точно захочешь есть.

– Не вижу смысла делать это прямо сейчас. Наш *lune de miel*, по идее, должен продолжаться целый месяц. Месяц любви! Я поинтересовался у одной своей светской покровительницы, она знает все о таких вещах. Уверен, у меня где-то завалялись деньги... Ой, погоди, а вот и Лаура! Лаура, иди сюда, познакомься с моей женой Софи!

За те три недели, что я пробыла миссис Эдуард Лефевр, а если честно, уже несколько месяцев до того, я успела понять, что по своим масштабам долги моего мужа намного превосходят его талант художника. Эдуард был щедрейшим из мужчин, хотя и не имел финансовых возможностей для подобной щедрости. Его картины хорошо продавались, что вызывало естественную зависть у его товарищей из Академии Матисса, но он никогда

не трудился требовать за свои работы таких тривиальных вещей, как наличные деньги, довольствуясь взамен постоянно увеличивающейся пачкой долговых обязательств. И если господа Дюшан, Берси и Стиглер могли позволить себе украсить стены его утонченной живописью и к тому же набить животы вкусной едой, то Эдуарду приходилось неделями перебиваться хлебом с сыром и паштетом.

Я пришла в ужас, обнаружив плачевное состояние его финансов. Причем отнюдь не из-за нехватки у него средств – когда я познакомилась с Эдуардом, то сразу поняла, что ему не суждено разбогатеть, – а скорее из-за того пренебрежения, с которым к нему, похоже, относились его так называемые друзья. Они обещали вернуть деньги, но то были пустые посулы. Они пили его вино, пользовались его гостеприимством, но практически ничего не давали взамен. Эдуард был именно тем, кто заказывал напитки для всех, еду для дам, – одним словом, обеспечивал хорошее времяпрепровождение для всех, но, когда приносили счет, его собутыльники, словно по мановению волшебной палочки, исчезали.

– Дружба для меня дороже денег, – обычно говорил он, когда я изучала его счета.

– Твои чувства заслуживают восхищения, любимый. Но, к сожалению, дружбу на хлеб не намажешь.

– Я женился на деловой женщине! – с гордостью восклицал он.

В первые дни после нашей свадьбы я могла смело считать себя скальпелем для вскрытия нарывов, однако Эдуард неизменно гордился мной.

Я смотрела в окно бара «Триполи», пытаясь понять, кто там внутри. Когда я повернулась, Эдуард разговаривал с какой-то женщиной. В чем я не нашла ничего необычного: мой муж знал чуть ли не всех в пределах Пятого и Шестого округов. Было невозможно пройти и сотни ярдов, чтобы Эдуард не обменялся с кем-нибудь приветствиями, добрыми пожеланиями, не угостил приятеля сигареткой.

– Софи! – сказал он. – Иди сюда! Хочу познакомить тебя с Лаурой Леконт.

Я на секунду замялась. Судя по нарумяненным щекам, туфлям без задника, Лаура Леконт была *fille de rue*^[2]. Когда мы впервые познакомились, он сообщил, что нередко использует их в качестве моделей; они идеально подходят для этого, говорил он, так как совершенно не стесняются своего тела. Наверное, меня должно было шокировать, что он хочет познакомить меня, свою жену, с падшей женщиной. Но я сразу поняла, что Эдуарду плевать на условности. Я знала, ему нравятся гулящие девки, более того, он относился к ним с уважением, и мне не хотелось ронять себя в его глазах.

– Приятно познакомиться с вами, мадемуазель, – сказала я.

Я протянула ей руку, специально используя официальное «вы» для того, чтобы выказать ей свое уважение. У нее оказались такие мягкие пальцы, что я практически не почувствовала рукопожатия.

– Лаура довольно часто мне позирует. Помнишь портрет женщины, сидящей на синем стуле? Тот, что тебе особенно понравился? Это Лаура. Она великолепная натурщица.

– Вы слишком добры, месье Лефевр, – ответила она.

Я тепло улыбнулась Лауре:

– Знаю эту картину. Прекрасный образ. – (Она удивленно приподняла брови. Уже после я поняла, что ей нечасто приходилось получать комплименты от других женщин.) – Вы кажетесь просто роскошной женщиной.

– Да, роскошной. Софи абсолютно права. На этой картине ты выглядишь действительно роскошно, – согласился Эдуард.

Взгляд Лауры заметался между Эдуардом и мной, словно она пыталась понять: случайно, не издеваюсь ли я над ней?

– Когда Эдуард впервые меня изобразил, я у него получилась похожей на отвратительную старую деву, – успокоила я Лауру. – Злобную и жутко противную. Помнится, Эдуард тогда еще сказал, что я уж больно чопорно держусь.

– Я никогда бы такого себе не позволил, – заявил Эдуард.

– Но ты так подумал.

– Что ж, картина получилась действительно ужасной, – согласился Эдуард. – Причем исключительно по моей вине. – Он посмотрел на меня. – Но зато теперь я при всем желании не смогу написать с тебя плохой портрет.

Когда я ловила на себе его взгляд, меня почему-то по-прежнему бросало в краску. Разговор на секунду прервался. Я отвернулась.

– Поздравляю вас с удачным замужеством, мадам Лефевр. Вы очень везучая женщина. Хотя, возможно, не такая везучая, как ваш муж.

Она кивнула мне, затем – Эдуарду и, подобрав юбки, пошла прочь по мокрому тротуару.

– Не смей так смотреть на меня при посторонних! – проводив ее глазами, набросилась я на Эдуарда.

– А мне нравится. – До нелепого довольный собой, он неспешно прикурил сигарету. – Ты так мило краснеешь.

Эдуард увидел в табачной лавке человека, с которым хотел потолковать, поэтому я вошла в бар «Триполи» и несколько минут рассматривала месье Динана, сидевшего, как всегда, за столиком в углу. Я попросила принести стакан воды и перекинулась парой фраз с барменом. Затем сняла шляпу и подошла поздороваться с месье Динаном. Он поднял на меня глаза, но, похоже, узнал лишь по рыжим волосам.

– А... Это вы, мадемуазель. Как поживаете? Вечер сегодня на редкость холодный, да? Эдуард в порядке?

– У него все отлично, месье, благодарю. Не могли бы вы уделить мне две минуты? У меня к вам личное дело.

Он обвел глазами стол. Сидевшая справа от него женщина ответила ему недовольным взглядом. А вот мужчина напротив был настолько увлечен разговором со своим соседом, что ничего не заметил.

– Не думаю, что у нас с вами есть личные дела для обсуждения, мадемуазель. – Месье Динан покосился на свою спутницу.

– Как пожелаете, месье. Тогда давайте поговорим прямо сейчас. Речь идет о деньгах за картину. Эдуард продал вам чудесную работу, сделанную масляной пастелью, – «Рынок в Гренуе», – за которую вы обещали ему... – я проверила расписку, – пять франков, так? Он был бы вам очень признателен, если бы вы прямо сейчас уплатили эту сумму.

У Динана мгновенно вытянулась физиономия. Веселого настроения как не бывало.

– Вы что, взяли на себя роль сборщика долгов?

– Месье, по-моему, это слишком сильно сказано. Я просто привожу в порядок финансы Эдуарда. И оплата вот этого конкретного счета, насколько я понимаю, просрочена на семь месяцев.

– Я не намерен обсуждать финансовые вопросы в присутствии своих друзей. – Он с негодованием отвернулся от меня, но я к этому была готова.

– Тогда, месье, боюсь, мне придется стоять здесь до тех пор, пока вы не сооблаговолите решить вопрос.

Оказавшись под прицелом глаз буквально всех сидевших за столом, я даже бровью не повела. Меня было нелегко смутить. Ведь я выросла в гостинице в Сен-Перроне и уже с двенадцати лет помогала отцу вышвыривать из бара забулдыг, убирала мужской туалет и слышала такую отборную брань, которая вогнала бы в краску самую прожженную уличную девку. Поэтому театральное негодование месье Динана на меня не подействовало.

– Ну, тогда вам придется стоять здесь весь вечер. У меня нет при себе такой суммы.

– Прошу прощения, месье, но, прежде чем подойти, я имела удовольствие за вами наблюдать. И не могла не заметить ваш туго набитый бумажник.

При этих словах один из его приятелей разразился гомерическим хохотом:

– Динан, похоже, она тебя раскусила.

Что разъярило его еще сильнее.

– Да кто ты такая? И почему считаешь себя вправе меня позорить? Эдуард никогда бы себе такого не позволил. Уж он-то хорошо понимает, что такое настоящая мужская дружба. Он никогда не стал бы нарушать приличия, настырно требуя денег и конфузя человека на глазах у его друзей. – Динан злобно покосился на меня. – А! Теперь припоминаю... Ты та самая продавщица. Маленькая продавщица Эдуарда из «Ля фам марше». Да откуда тебе знать, как положено себя вести в том кругу, где вращается Эдуард?! Ты ведь ужасно... – он буквально плевался в меня словами, – провинциальная.

Что ж, он знал, как задеть меня за живое. Я почувствовала, что начинаю краснеть.

– Ваша правда, месье. Если заботу о куске хлеба можно счесть чем-то провинциальным. И даже продавщица способна увидеть, что друзья Эдуарда бессовестно пользуются его щедростью.

– Я ведь сказал ему, что заплачу.

– Семь месяцев назад. Вы обещали заплатить ему еще семь месяцев назад.

– А с какой стати я должен перед тобой отчитываться? И с каких это пор ты стала *chien mechant*^[3] Эдуарда? – окрысился он.

Я оцепенела от неожиданности. А затем услышала за спиной громовые раскаты голоса Эдуарда, словно исходившие из недр его груди.

– Как ты назвал мою жену?!

– Твою жену?

Я обернулась. Еще никогда я не видела столь грозного выражения на лице своего мужа.

– Динан, похоже, ты не только старый урод, но еще и глухой, да?

– Так ты женился на ней? На этой продавщице с кислой рожей?

Просвистев справа от моего уха, кулак Эдуарда угодил Динану прямо в челюсть. Удар был такой силы, что Динан полетел вверх тормашками. Он рухнул на гору перевернутых стульев, попутно опрокинув стол. Вино из разбитой бутылки забрызгало платья его спутниц, и те завизжали как резаные.

В баре внезапно стало тихо, даже скрипач опустил смычок, оборвав мелодию. Воздух словно наэлектризовался. Динан, растерянно моргая, попытался встать на ноги.

– Извинись перед моей женой. Она стоит десятка таких, как ты, – ощерился Эдуард.

Динан что-то выплюнул изо рта, кажется зуб, воинственно поднял подбородок, разделенный пополам алой струйкой, и пробормотал, так тихо, что его, как мне показалось, могла слышать только я:

– Putain^[4].

Эдуард, зарывчав, точно раненый зверь, бросился на него. Друзья Динана повисли на Эдуарде, осыпая ударами его плечи, голову, мощную спину. До меня донесся голос Эдуарда:

– Как ты смеешь оскорблять мою жену?!

– Фрежюс, ты негодяй! – Повернувшись, я увидела Мишеля Ледюка, месившего кулаками кого-то еще.

– Прекратите, господа! Прекратите немедленно!

Однако бар внезапно взорвался. Эдуард встрепенулся, непринужденно стряхнув с плеч, словно это пальто, приятеля Динана, а затем поднял над головой стул. Я даже не услышала, а скорее почувствовала, как затрещало соприкоснувшееся со спиной противника дерево. Над нашими головами летали бутылки. Женщины визжали, мужчины чертыхались, посетители бежали к дверям, а уличные мальчишки, горевшие желанием поучаствовать в побоище, протискиваясь мимо них, просачивались внутрь. И я поняла, что настал мой час и надо ловить момент. Наклонившись, я выудила из кармана Динана бумажник. Вытащила пятифранковую банкноту, а взамен положила расписку.

– Вот вам расписка в получении денег! – крикнула я прямо ему в ухо. – Она вам пригодится, если когда-нибудь захотите продать картину Эдуарда. Хотя, честно говоря, если вы это сделаете, то свалите дурака. – Я выпрямилась и, оглядевшись по сторонам, крикнула: – Эдуард! Эдуард! – Хотя услышать что-либо в этом шуме и гаме было вряд ли возможно.

Увернувшись от пролетевшей над головой бутылки, я принялась пробираться к своему мужу. Уличные девицы, столпившиеся в углу, хохотали и улюлюкали. Хозяин заведения отчаянно вопил, заламывая руки, а потасовка тем временем уже вылилась на улицу, в воздухе летали столы и стулья. Не было ни единого мужчины, который не пустил бы в ход кулаки. И действительно, все мутузили друг друга с таким наслаждением, что я на секунду подумала: а может, они не дерутся, а просто развлекаются?

– Эдуард!

И тут я заметила в углу возле фортепьяно месье Арно.

– О месье Арно! – Я подобрала юбки и, перешагивая через тела и опрокинутые стулья, принялась протискиваться к нему. Он бочком пробирался по стенке в сторону двери. – Два рисунка углем! Женщина в парке? Помните? – Он тупо посмотрел на меня, и я прошептала: – Вы должны Эдуарду за два рисунка углем. – Присев на корточки, я одной рукой закрывала голову от случайного удара сапогом, а второй – лихорадочно рылась в долговых расписках. – Здесь написано «пять франков за две работы».

[Купить полную версию книги](#)

Медовый месяц (фр.). – *Здесь и далее примеч. перев.*

Проститутка (*фр.*).

Злая собака (*фр.*).

Шлюха (фр.).